

Русский интеллигент

Памяти Юрия Буртина

Год назад, 20 октября, от нас ушел Юрий Григорьевич Буртин — выдающийся публицист и литературный критик, имя которого стало известно читающей России еще во времена хрущевской оттепели. В ту пору общественная и литературная судьба его оказалась неразрывно связана с «Новым миром» Александра Твардовского, одним из ближайших сотрудников которого он стал. А после разгрома журнала, в эпоху застоя, ему выпали долгие годы самоотверженной работы над уникальным энциклопедическим изданием «Русские писатели», которое без него вряд ли было бы осуществлено в том виде, в каком представлено оно сегодня четырьмя уже вышедшими превосходными томами и которому ныне, с приходом в издательство нового руководства, грозит, увы, прекращение — из-за его, естественно, «нерентабельности»... Новая эпоха в жизни страны, перестроенная и постперестроенная Россия — и снова активнейшая публицистическая деятельность, знаменитая статья «Вам, из другого поколения...», участие в сборнике «Иного не дано», «Московская трибуна», еженедельная газета «Демократическая Россия», которую он возглавил вместе с Игорем Клямкиным...

Поистине, жизнь Юрия Буртина вобрала в себя столько, что и малой доли с лихвой хватило бы на целую судьбу. Написанное им еще ждет своего внимательного исследования, ибо без осмысления литературного наследия Юрия Буртина история нашей современной общественной мысли просто не может быть создана. Мы же, отдавая сегодня посильную дань памяти этому замечательному человеку, предлагаем вниманию читателя небольшое эссе о нем, написанное для «Общей газеты» Игорем Виноградовым, его давним другом и соратником.

Игорь ВИНОГРАДОВ

Недавно журнал «Знамя» затеял значительный дискуссионный круглый стол на тему «Раскол в либералах». Предполагается, что участники стола попытаются выразить свое отношение к извечному и все еще вроде бы актуальному спору так называемых «западников» и «славянофилов».

Если бы Юрий Буртин был жив, его наверняка пригласили бы поучаствовать в этой дискуссии — как одного из виднейших наших публицистов. И, думаю, он непременно принял бы такое приглашение — по всегдашней своей отважной и, конечно же (при двух-то инфарктах, операции на сердце, аневризме аорты и беспрерывных двенадцатилетних страданиях) совершенно безрассудной привычке непременно ввязываться во всякий спор, дающий возможность громко провозгласить и проверить свои верования.

Но вот интересный вопрос: как самоопределился бы Буртин в той системе оппозиционных понятий, в рамках которой до сих пор проводятся обычно подобные «столы»? Действительно, кто он — западник или славянофил, демократ или державник, либерал или государственник, рыночник или социалист, почвенник или, по известному выражению, «человек мира»?

Но разве любить родную почву, дорожить историей своего народа и уникальной его культурой значит отрицать исходную критериальную значимость тех общечеловеческих ценностей, которые лежат в основе современной цивилизации и восходят как к ее библейским, христианским, так и к ее исламским, буддийским и конфуцианским истокам? Ибо если родная почва не порождает из себя новое, уникальное бытие именно этих абсолютно общечеловеческих ценностей, выработанное историей и соборной личностью именно моего народа, то на что она тогда годна, эта почва, и чем в ней дорожить? И если русский западник в душе своей не самый истинный и искренний славянофил, а русский славянофил — не самый истинный и искренний западник, то какие же они тогда «западник» и «славянофил»? Как можно быть либералом и демократом, утверждающим первичность личных и общественных свобод, не будучи самым искренним «державником», заинтересованным в сильном и мощном государстве, способном обеспечить эти свободы? И как можно лишать свое государство этого единственного животворного для него содержания, превращая его тем самым в некий нонсенс — в идеологию, надежно обеспечивающую любому государству, его зараженному, путь неизбежного саморазрушения? Что не од-

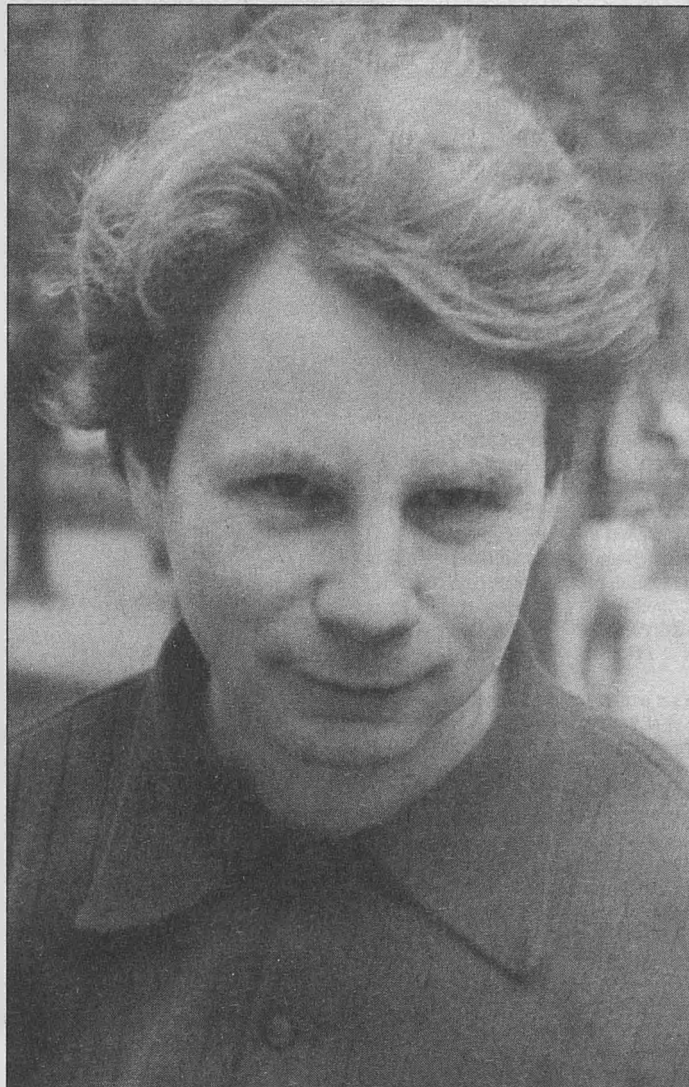
нажды и доказала современная история многих народов. А нашего — может быть, наиболее наглядно, убедительно и страшно.

Истина, конечно, не эклектична. Но она — полифонична. Это хорошо показал в своей знаменитой «Критике отвлеченных начал» еще Владимир Соловьев. В социальной сфере она соотносима лишь со всей неразложимой полнотой живой жизни социального организма — жизни, из которой нельзя вычленить и абсолютизировать ни одну из ее сторон, отсекая ее от живых связей со всеми другими и тем превращая ее в одно из тех самых «отвлеченных начал», от которых предостерегал Соловьев. О роковых последствиях этой опаснейшей операции задумывался и Достоевский, заставивший своего Раскольникова с ужасом наблюдать в бредовых его снах, как появляются вдруг в мире некие новые трихины и как, вселяясь в людей, эти микроскопические существа-духи постепенно превращают человечество в сборище бесноватых толп, истребляющих друг друга в бессмысленной злобе, но притом в полной уверенности, что они одни только и знают истину, в чьих одних она только и заключена...

К сожалению, особой восприимчивостью к вирусу этой страшной заразы страдает как раз интеллигенция, призванная быть разумом и совестью своего народа, — именно через нее она проникает и в народный организм.

Буртин был настоящим русским интеллигентом, но он не страдал этой расхожей интеллигентской болезнью. Он твердо знал и чувствовал, что твое убеждение только в том случае может рассчитывать на какое-то отношение к истине, если оно способно вступить в диалог с другими. Его неизбывная и острая любовь к своему народу, к его культуре, к выстраданному им историческому опыту была той же крови, что и его преклонение перед Шекспиром, Гёте или Хемингуэем, его любовь и уважение к обреченностям и урокам западной цивилизации. Его демократизм ни в какой мере не делал его антигосударственником, а его безусловная убежденность в том, что у России свой особый исторический путь, никак не противоречила его убежденности в том, что путь этот пролегал в том же направлении и должен быть ориентирован теми же целями, что и пути современных западных демократий. То, что многими другими воспринималось лишь в виде абсолютизированных отвлеченных односторонностей, в его мировидении присутствовало в том диалогическом сжатии, которое опиралось на живую неразложимость жизни.

Сложнее обстоит, однако, дело с оппозицией «рыночник — социалист». Или, что то же самое, — «капитализм — социализм». Сложнее, хотя как будто именно здесь Юрий Буртин в последние годы свой жизни деклариро-

вал свое стремление «конвергировать» эти реалии и эти позиции с особой настойчивостью. Он шел в этом след за А.Д. Сахаровым, идею которого о преобразлении капитализма социализмом («Конвергентный капитализм» или «Капитализм с человеческим лицом») он воспринял с истинным энтузиазмом. Он признавал, правда, что концепция эта у Сахарова не была по-настоящему проработана и в некоторых важных моментах осталась непроясненной. Но, кажется, и сам он эти моменты прояснить тоже не успел. Прежде всего — экономическую сторону дела. Предполагала ли для него идея конвергенции социализма и капитализма необходимость введения в либеральную рыночную экономику (составляющую суть капитализма) механизмов непосредственного планово-регулирующего ею управления со стороны государства (что составляет суть социализма в его экономическом содержании)? Если так, то опыты такого рода, существенно нарушающие действие конкурентных механизмов свободного рынка, никогда вроде бы не привели ни к чему хорошему. Уже и по той простой причине, что искусственное соединение в одном экономическом организме двух совершенно противоположных способов его функционирования есть как раз никакая не полифония, а чистая эклектика и ни одному из этих способов на пользу не идет. К тому же сам Буртин когда-то превосходно показал и то, что на фундаменте экономического социализма пространство общественно-политического и граждански-правового устройства общества неизбежно формируется лишь как пространство тоталитарной социалистической казармы. А это значит, что всякое внедрение элементов социалистической экономики в организм экономики либеральной будет не только разрушать ее механизмы и снижать ее плодотворные социальные потенции, но неминуемо начнет возрождать и казарменные начала в «надстроечной» сфере жизни общества...

Но разве мог Буртин ставить перед собой такие цели, предлагая свою «конвергенцию»? Разве не видел, не понимал он, что ведь и наше сегодняшнее российское общество, поднятое под себя правящей бандитской мафией, бесправное и беспомощное в хаосе торжествующего у нас правового беспредела, разорванное чудовищными диспропорциями в уровне жизни верхов и низов, есть прямое порождение последовательного и сознательного сращивания в области нашей экономики именно «социализма» и «капитализма»? Что — разве мы живем в действительно либеральной стране? Это с нашими естественными монополиями, с контрольными государственными пакетами крупнейших концернов, с налогами, отнимающими у предприятий до 80–90% прибыли, с отсутствием частной собственности на землю, и т.д. и т.п.?

И тем не менее энтузиазм, с которым Буртин ухватился за идею конвергенции, совершенно понятен, если иметь в виду то главное, что всегда вело его во всех поисках и устремлениях. Ведь кем бы ни представал он перед нами в тех или иных мировоззренческих своих ипостасях — демократом, патриотом, западником, славянофилом, либералом-рыночником или социалистом, — он, конечно же, всегда и во всем был и оставался прежде всего **народником**. Народником не в том, разумеется, значении этого слова, каким оно связано с идеологией и программами известного общественно-политического движения в России XIX века. Он был истинным народником в том высшем нравственном смысле, в каком должен быть и не может не быть народником всякий истинный интеллигент. Потому что быть интеллигентом — не столько преимущество, сколько нравственная обязанность, диктуемая той непосредственной, живой любовью к своему ближнему, что дана и заповедана нам как наше высшее человеческое достоинство и наше призвание. А что же еще и очерчивает собою границы того наиболее, наверное,

близкого круга наших далеких близких, с которым мы связаны непосредственной кровной связью, если не понятие народа? Народа, среди которого тебе определено было родиться, который дал тебе и язык, и культуру, и историческую твою судьбу?...

Для Буртина, который и вышел из самой, можно сказать, народной гущи, это тем более была вовсе не умозрительная мировоззренческая конструкция, а живое, непосредственное, требовательное чувство ответственности и боли, которое и определяло его «верую» и его жизненное поведение в любых ситуациях и в любые времена. И тогда, когда Оттепель впервые открыла перед ним возможность сделать что-то для своего народа, которому он пытался нести со страниц «Нового мира» слово правды. И позднее, когда в глухие годы брежневского застоя он упорно работал над исследованием «Ахиллесова пята исторической теории Маркса», где доказывал историческую обреченность социалистической системы хозяйствования и выступал как истовый либерал-рыночник...

Но ведь точно так же случилось с ним и еще позднее, когда звериное мурло нашего мгновенно разжиревшего на общенациональной трагедии номенклатурно-бандитского капитализма, отбросившего в унизительную нищету и социальную безнадежность большую часть народа, расхитившего и разорвавшего на свои уделы огромную страну, ужаснуло Буртина своим ненасытным хищническим оскалом. И когда он, ища заслоны, которым народ мог бы оградить себя от этой ненасытности, вновь стал вглядываться в социалистическую идею, в те идеалы социальной справедливости, самоценности человеческой личности, ее свободы, ее права на достойную жизнь и ее братского единения со всеми в демократическом гражданском обществе социальной солидарности и взаимопомощи, утверждение которых традиционно связывалось всегда с идеями социализма как общественно-экономической формации. И что из того, что ни одного примера такой взаимосвязи история так нам и не представила? Разве от этого идеалы утрачивают свою человеческую истинность и — потому — свою нравственную притягательность? И разве неправомерно впрямую соотносить их с той формулой социализма, которую еще в 60-е гг. дал Солженицын устами одного из своих героев, сказавшего, что никакого иного социализма, кроме *социализма нравственного*, существовать просто не может?...

Нет, сердце его, его совестливая народническая интуиция опять верно указали ему направление поиска. Проблема заключалась только в том, чтобы верно нащупать ту область социальной реальности, которая действительно открыта для плодотворного диалога между либеральной экономикой и теми общественными идеалами, которые можно назвать идеалами *нравственного социализма* и которыми, конечно же, только и горело сердце Буртина.

В напряжении этого поиска и застала его смерть. И это значит, что задача, не решенная им — и не только им, но до сих пор по-настоящему серьезно и никем другим, — завещана нам.

Но для того, чтобы она была решена хотя бы только программно, теоретически, нужно, чтобы она терзала сердце, исполненное той же боли за судьбу нашей страны и ее народа, как сердце Андрея Дмитриевича Сахарова. И как сердце его младшего сподвижника и последователя, бескорыстного рыцаря Истины и верного сына России, интеллигента-народника 60-х — 90-х гг. XX века Юрия Буртина.

Пусть кто-нибудь назовет мне сегодня их преемников.